

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**ЭДГАР Л.
ДОКТОРОУ**

ГОМЕР
И ЛЭНГЛИ

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 63

E. L. Doctorow
HOMER & LANGLEY
Copyright © 2009, E. L. Doctorow
Copyright © Photo by Francesca Magnani

Перевод с английского *В. Мисюченко*

Оформление *А. Старикова*

Доктороу, Эдгар Лоуренс.

Д 63 Гомер и Лэнгли / Эдгар Л. Доктороу ; [пер. с англ. В. Ф. Мисюченко]. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-78833-0

Роман «Гомер и Лэнгли» — своего рода литературный эксперимент. У героев романа — братьев Гомера и Лэнгли — были реальные прототипы: братья Кольеры, чья история в свое время наделала в Америке много шума. Братья добровольно отказались от благ цивилизации, сделали добровольными затворниками и превратили собственный дом в свалку — их патологическим пристрастием стал сбор мусора.

Казалось бы, это история для бульварных СМИ. Но Доктороу, которого, по его словам, эта история заинтересовала еще когда он был подростком, удалось сделать из нее роман о любви — любви двух братьев, которым никто не нужен, кроме друг друга, и которые были столь напуганы окружающей действительностью, всеми ужасами XX века, что не захотели жить в «большом мире», выстроив собственный мир, где не было места чужим.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-78833-0

© Мисюченко В., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Изумительный новый роман «Гомер и Лэнгли» Э.Л. Доктороу начинается с того, что человек по имени Гомер Кольер берет рассказывать историю своей жизни, прожитой с братом Лэнгли в роскошном особняке, знававшем лучшие времена. Задуманный блестяще, написанный мощно, полный множества вдохновенных озарений и юмора, с содержанием, которое мы уже привыкли ожидать от Э.Л. Доктороу, «Гомер и Лэнгли» помимо этого предлагает кое-что уникальное. Никогда не забыть волнения, охватившего меня при чтении этой завораживающей рукописи: у меня возникло впечатление, будто я переживаю жизнь Америки, которая, прокатываясь через дом братьев, панорамой разворачивается у меня перед глазами. Чтение трогало, будоражило, наполняло признательно-

стью к этому необыкновенному писателю. И сейчас я с величайшим воодушевлением представляю вам, читателям, желающим идти в ногу с развитием литературы, блистательный роман Э.Л. Доктороу «ГОМЕР И ЛЭНГЛИ».

Искренне ваша

*Кэйт Медина,
исполнительный вице-президент,
исполнительный директор редакции
издательства Random House
16 апреля 2009 г.*

Я — Гомер, нас два брата, и я слепой. Зрение я потерял не вдруг: это было похоже на кино, когда изображение на экране медленно меркнет. Когда мне сказали, что происходит, жутко захотелось как-то это измерить, мне тогда уже давно перевалило за шестнадцать, а потому все вокруг вызывало жгучий интерес. И вот что я проделывал в ту самую зиму: становился спиной к пруду в Центральном парке, где люди катались себе по-всякому на коньках, и смотрел, что мне в меняющемся день ото дня бытии еще видно, а что уже нет. Первыми пропали нависавшие над Центральным парком здания: они делались все темнее, будто растворялись в темном небе, покуда я вообще уже не мог их различить, потом стали терять форму деревья, а потом наконец (это уже к концу зимы было, может, в самом конце февраля той очень холодной зимы) я различал одни только призрачные тени катающихся на коньках, проплывавшие мимо меня по ле-

дяному полю, потом белый лед, это последнее светлое пятно, сделался серым, а затем и во все черным, тут-то зрение совсем пропало, хотя я ясно слышал отголоски вжикавших по льду неумелых коньков, звук, доставлявший мне немалое удовольствие, мягкий, хотя и исполненный стремления, тона более глубокого, чем можно ожидать от коньковых лезвий, наверное, оттого, что они вызывали басовые обертоны в воде подо льдом: вжи-и-ик-вжик, вжи-и-ик-вжик. Я слышал, когда кто-то куда-то мчавшийся вдруг круто срывался в льдистый скрежет: катавшийся останавливался, резко развернувшись боком, — и тогда я тоже смеялся, радуясь способности конькобежца разом замереть на месте, пройдя через вжиканье, а потом скрежет.

Разумеется, грустно мне тоже делалось, да только повезло: напасть приключилась со мной, когда я по молодости и представления не имел, что превратился в калеку, а потому у себя в сознании переключился на другие свои способности вроде исключительного слуха, который вымуштровал до такой степени ясности, что тот сделался почти зрячим. Лэнгли говорил, что у меня уши, как у летучей мыши, а поскольку ему всегда нравилось все исследовать, он и этому своему предположению устроил проверку. Я, разумеется, дом

наш знал, все его четыре этажа, и мог без запинки передвигаться по любой комнате — что вверху, что внизу, зная, что где расположено, по памяти. Мне помнились гостиная, кабинет нашего отца, комната отдыха матери, столовая с восемнадцатью стульями и длинным орехового дерева столом, буфетная дворецкого, кухня, гостиная, спальни, я помнил, сколько покрытых ковровой дорожкой ступенек ведет от этажа к этажу, мне даже за перила не надо было держаться: если вы не знали, так и не догадались бы, увидев меня, что глаза у меня мертвые. Однако Лэнгли утверждал, что настоящую проверку мои слуховые способности пройдут, когда я никак не смогу положиться на память, а потому привел меня в музыкальную комнату, где устроил небольшую перестановку: заранее перекатил рояль в другой угол, а посреди комнаты поставил складную японскую ширму с цаплями в воде — в дверях основательно меня раскрутил, так что я утратил всякое представление о направлении, что вызвало у меня смех, поскольку я, знаете ли, точнехонько обошел эту складную ширму и сел за рояль, будто и вправду в точности знал, куда он его поставил, я был способен слышать находившееся вовне и сказал Лэнгли: «Летучая мышь свистит, именно так у нее получает-

ся опознавать препятствия, а мне и свистеть не надо, ведь так?» Он по-настоящему поразился: Лэнгли был старшим (двумя годами) из нас, и мне всегда нравилось его удивлять, как только подвернется случай. В то время он уже стал студентом-первокурсником в каком-то колледже Колумбии¹. «Как ты это делаешь? — спросил он. — Интерес чисто научного свойства». Я ответил: «Я ощущаю внешние формы, поскольку они отталкивают воздух, или чувствую тепло от предметов, можешь крутить меня хоть до головокружения, я все равно сумею понять, где среди воздуха твердый предмет».

Были и другие бонусы. Чтобы меня учить, брали репетиторов, а значит, разумеется, без хлопот приняли в Консерваторию Вест-Энда, где я учился еще со времен, когда был зрячим. Мастерство пианиста возмещало мне слепоту, допустимую в обществе. Когда я подрос, люди заговорили о моей обходительности, и, уж конечно же, я нравился девушкам. В те времена в нашем нью-йоркском обществе один

---

¹ Официальное название Университет Колумбия города Нью-Йорка — один из известнейших американских университетов, входит в элитную Лигу плюща, состоящую из восьми частных университетов, расположенных на северо-востоке США. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

из родительских способов обеспечить дочери брак с подобающим мужем состоял в том, чтобы внушать девушке (чуть не с рождения) остерегаться мужчин и не доверять им безоглядно. Было это задолго до Большой войны, когда эпоха вертихвосток и курящих и пьющих мартини женщин скрывалась за завесой невообразимого будущего. Так что симпатичный молодой слепец из почтенной семьи был особенно привлекателен, коль скоро был неспособен, даже тайком, совершить ничего непристойного. Его беспомощность прямо-таки пленяла женщину, которая сама с рождения готовилась быть беспомощной. Моя незрячесть внушала ей ощущение силы, власти, давало выход ее чувству жалости, она на многое оказывалась способна. Женщина могла выразить себя, дать волю сдерживаемым чувствам, чего не позволишь себе с обычным человеком. Одевался я очень хорошо, сам брился опасной бритвой, никогда не оставляя порезов на коже, по моей указке парикмахер оставлял мне волосы несколько длиннее, чем их носили в те времена, так что, когда на каком-нибудь сборище я садился за рояль и играл, к примеру, «Аппассионату» или «Революционный этюд», волосы мои разлетались (тогда у меня их было много: пышная копна каштановых волос, рас-

чесанных на прямой пробор, обрамляла мне голову). А-ля Ференц Лист — вот какая у меня была прическа. И когда, случалось, мы сидели на диване, а вокруг — никого, какая-нибудь юная приятельница могла гладить меня по лицу и целовать, а я, как слепой, мог положить ей руку на ногу повыше колена, ничуть не выказывая какого бы то ни было дурного намерения, и она, затаив от изумления дыхание, так и оставляла мою руку лежать где лежит, боясь меня смутить.

Должен сказать, что я, никогда так и не женившийся, испытывал особое влечение к женщинам, в общем, умел их ценить, и уж позвольте сразу признаться, что в то время, о каком идет речь, я пару раз испытал половую близость, ведя жизнь молодого незрячего городского красавца, не достигшего и двадцати, пока родители были еще живы и устраивали множество званых вечеров, принимая сливки городского общества в нашем доме, этом памятнике позднего викторианского стиля, которому предстояло оказаться в окружении современности (а по замыслу друга нашей семьи Элси де Вульф, и интерьер его должен был стать таким же, но после того, как отец не позволил ей наполнить модерном весь дом целиком, она никогда больше не переступала

порога нашего особняка) и который я всегда считал уютным, крепким, надежным — с его крупной мебелью с мягкой обивкой, стульями с ворсистыми сиденьями вдоль стен, тяжелыми драпри поверх занавесок на окнах от пола до потолка, средневековых гобеленов, свисавших с золоченых реек, и рядами застекленных полок с книгами, толстыми персидскими коврами, стоячими лампами, укрытыми абажурами с бахромой, и парными китайскими вазами, внутрь которых почти можно шагнуть... — все это было эклектикой, выступая своего рода отчетом наших родителей об их путешествиях, посторонним это вполне могло казаться хаосом, однако нам такое представлялось обычным и правильным, оно было и нашим, Лэнгли и моим, наследием — это ощущение жизни с вещами напористо неодушевленными, каждую из которых необходимо было обходить.

Каждый год наши родители на месяц уезжали за границу, отправлялись в плавание на каком-нибудь океанском лайнере, прощально помахивая от перил какого-нибудь трех-, а то и четырехпалубника («Кармания»? «Мавритания»?¹ «Неврастения?»), когда тот

---

¹ Британские крупные пассажирские трансатлантические суда, использовавшиеся с началом Первой мировой войны как вспомогательные военные корабли.

отваливал от причала. Там, в вышине, они казались ужасно маленькими, я воспринимал это ладонью, крепко зажатой в руке моей сиделки, когда рев судового гудка отзывался у меня в ногах и чайки летали вокруг, будто празднуя что-то, будто происходило и в самом деле что-то потрясающее. Случалось, я с тревогой думал, а не случится ли чего с пациентками отца, пока он в отъезде, ведь он был известным женским доктором, вот я и волновался, вдруг они заболели, а может, и умрут в ожидании его возвращения.

Пока родители совершали вояж в Англию, Италию, Грецию, Египет или куда бы то ни было еще, их возвращение предвосхищали вещи в ящиках, которые доставляла к нам на задний двор компания «Железнодорожный экспресс»: древняя исламская плитка, редкие книги, какой-нибудь фонтан из мрамора, бюсты римлян без носов либо с отбитыми ушами или старинные гардеробы, от которых вечно воняло дерьмом.

А уж потом, после того как я почти забывал про них, под восторженные клики «ура!» появлялись наконец сами Мама с Папой: они высаживались из такси у парадного входа, держа в руках те сокровища, что не опередили их в пути. Они не были совсем уж безалаберными

родителями, поскольку всегда везли подарки и для нас с Лэнгли, вещи, и впрямь способные восхитить мальчишку, вроде старинного игрушечного поезда, чересчур хрупкого, чтоб с ним играть, или золоченых щеток для волос.

* * *

Путешествовали и мы с братом, с детства привыкшие проводить лето в лагере. Наш лагерь находился в штате Мэн на прибрежном плато, покрытом лесами и полями, — отличное место, чтобы пообщаться душой с природой. Чем больше просторы нашей страны забирались под одеяла фабричного дыма, чем больше угля, грохоча, выходило из шахт, чем больше гремели в ночи наши громадины локомотивы, а огромные машины для уборки урожая прорезали себе путь по нивам и черные авто заполняли улицы, всю вереща клаксонами и врезаясь друг в друга, тем больше американский народ боготворил природу. Чаще всего это поклонение перекладывали на плечи детей. Вот и жили мы в штате Мэн в допотопных хижинах — мальчишки и девочки в лагерях по соседству.

Я тогда еще обладал всей полнотой чувств. Ноги у меня были проворные, руки — сильные и мускулистые, и я мог созерцать мир со всем